

Строгая критика.

Валерій Брюсовъ. Лицѣйскіе стихи Пушкина, по рукописямъ Московскаго Румянцовскаго Музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Стр. 96. Цѣна 1 р.

Небольшая, но во многихъ отношеніяхъ поучительная брошюра.

Поэтъ В. Брюсовъ, авторъ многочисленныхъ стихотвореній въ новѣйшемъ вкусѣ, въ которыхъ воспѣваются „сладоэстрастные извивы“ и разностопные стихи чередуются между собою безъ всякой цезуры, имѣлъ случай разсмотрѣть одну изъ пушкинскихъ тетрадей, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ. Читая эту тетрадь рядомъ съ первымъ томомъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, г. Брюсовъ сдѣлалъ рядъ удивительныхъ открытій, которые привели его къ „рѣшительному“ (какъ онъ самъ заявляетъ) выводу:

„Текстъ лицейскихъ стихотвореній, даваемый академическимъ изданіемъ сочиненій Пушкина, не только не можетъ быть признанъ образцовымъ, но *долженъ считаться совершенно негоднымъ*“¹⁾.

Подтвердивъ этотъ выводъ цѣлымъ рядомъ крѣпкихъ словечекъ,— въ родѣ: „ребяческая небрежность“, „неумѣнье“, „ошибки смѣшныя и непозволительныя“, и т. п., строгій критикъ еще разъ повторяетъ:

„*И томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина долженъ быть совершенно переработанъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ сейчасъ, не можетъ быть признанъ авторитетомъ*“²⁾.

Таково заключеніе цѣлаго обвинительнаго акта, коимъ предается суду библиографической критики покойный редакторъ перваго тома академическаго изданія Л. Н. Майковъ. Попутно достается и редакторамъ двухъ изданій, вышедшихъ послѣ 1900 г. и взявшихъ академическій трудъ себѣ за образецъ,—П. А. Ефремову и мнѣ. Ко мнѣ г. Брюсовъ особенно немилостивъ: ничтоже сумняся, онъ бросаетъ мнѣ обвиненіе въ томъ, будто я „лишь для краснаго словца“ заявилъ въ своемъ предисловіи о томъ, что мною вновь пересмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина находящіяся въ Московскомъ музеѣ и Императорской публичной бібліотекѣ произведенія и письма поэта. „Вмѣсто того, чтобы работать въ музеяхъ, г. Морозовъ извлекалъ свѣдѣнія о рукописяхъ изъ примѣчаній Л. Майкова“, говоритъ критикъ, „для краснаго словца“ совершенно забывая, что примѣчанія Майкова относятся только къ стихотвореніямъ 1812—1817 гг., мною же даны въ изданіи *все* стихотворныя и прозаическія сочиненія Пушкина и его письма³⁾. При этомъ г. Брюсовъ ссылается еще на какія-то „разительныя“ доказательства моего хвастовства, собранныя, будто бы, г. Ефремовымъ, который, однако, самъ пушкинскихъ рукописей Московскаго музея не видалъ. Вотъ это послѣднее обстоятельство, дѣйствительно, было мною въ свое время „разительно“ доказано (въ примѣчаніяхъ къ моему изданію и въ особѣй замѣткѣ о суворинскомъ изданіи Пушкина). Такимъ образомъ,

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Курсивъ г. Брюсова.

³⁾ Кстати: по словамъ г. Брюсова выходитъ (стр. 5), что доступъ къ пушкинскимъ рукописямъ *только теперь* открытъ всѣмъ изслѣдователямъ. Это не вполне отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ я занимался этими рукописями еще въ 1885 году и вторично—въ 1902, о чемъ г. Брюсовъ можетъ справиться въ музеѣ. Работали надъ ними также и другія лица, не имѣющія никакого отношенія къ академическому изданію, напр. покойный А. И. Незеленовъ.

г. Брюсовъ, въ силу поэтической вольности, просто сваливаетъ съ больной головы на здоровую. Къ г. Ефремову критикъ относится гораздо снисходительнѣе, — вѣроятно, по той причинѣ, что почтенный редакторъ суворинскаго изданія, списывая у Майкова, тутъ же его и порицаетъ... Вообще, г. Ефремовъ является для нашего критика непререкаемымъ авторитетомъ: на него ссылается г. Брюсовъ даже для того, чтобы указать, напримѣръ, на опечатку изданія 1838 г. (стр. 39).

Но это—мимоходомъ, только для характеристики критическихъ приемовъ г. Брюсова. Посмотримъ нѣсколько пристальнѣе, на чемъ основывается составленный московскимъ поэтомъ грозный обвинительный актъ противъ покойнаго редактора академическаго изданія, и въ чемъ же, собственно, заключаются „преступленія“ Л. Майкова?

Критическое изданіе произведеній великаго поэта, основанное на изученіи ихъ рукописнаго и печатнаго текста,—дѣло очень сложное и трудное. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, являются рукописи. Всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ рукописями вообще, по опыту знаетъ, какъ нелегко возстановить правильный текстъ измараннаго черновика. Мало того, субъективныя особенности читающаго рукопись сказываются нерѣдко невѣрною передачею даже и вполне разборчиваго написанія, не говоря уже о такомъ крайне трудномъ почеркѣ, какимъ обладалъ Пушкинъ. Здѣсь, можно сказать, на каждомъ шагѣ встрѣчаются подводные камни,—и только совершенный новичекъ въ дѣлѣ чтенія рукописей можетъ думать, что это дѣло просто и легко. Г. Брюсовъ обвиняетъ Майкова въ томъ, что онъ невѣрно читалъ пушкинскія рукописи. Но кто же ихъ читалъ вѣрно? Анненковъ?—у него уже отмѣчена позднѣйшими изслѣдователями цѣлая масса грубыхъ ошибокъ. Ефремовъ?—онъ прочелъ, въ снимкѣ съ автографа совершенно четкаго, „люблю *языкъ* мечей“ вмѣсто: „люблю *я звукъ* мечей“. В. Е. Якушкинъ?—и у него, въ описаніи пушкинскихъ рукописей, послѣдній стихъ посланія къ Юдину, написанный совершенно четко и безъ помарокъ, читается: „Любви *всесильнѣе* поэтъ“, между тѣмъ какъ въ рукописи стоитъ: „*всемошнѣе*“. Тотъ же г. Якушкинъ, а вслѣдъ за нимъ и я, прочитали приписку на л. 72 рукописи № 2364: „Я *человѣкъ не свободный*“, а Майковъ въ послѣдствіи прочелъ: „Я *клялся на свободной*“. Въ рукописи совершенно четкой, не Пушкинымъ писанной,—стихотворенія „Гробъ Анакреона“ (Муз. № 2364, л. 3)—никто изъ видѣвшихъ ее не замѣтилъ, что послѣдній стихъ долженъ

читаться: „А за чашей отдыхай“, а не „И за чашей отдыхай“. Не замѣтилъ этого и г. Брюсовъ, проглядѣвшій, какъ увидимъ ниже, еще многое другое. Стихотвореніе „Къ живописцу“ переписано въ тетради Пушкина совершенно четкою рукою одного изъ его товарищей по Лицею,—и опять-таки, *никто* изъ видѣвшихъ эту рукопись, не исключая и самого г. Брюсова, не замѣтилъ, что въ послѣднемъ стихѣ стоитъ: „подпишу“, а не „напишу“, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ. Такихъ примѣровъ можно было бы подобрать цѣлые десятки,—и не только изъ рукописей, но даже изъ печатныхъ текстовъ. Первое появившееся въ печати стихотвореніе Пушкина: „Къ другу-стихотворцу“ было помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г. съ опечаткой въ одномъ стихѣ. И что же? Всѣ комментаторы, указывая на эту опечатку, говорятъ, что вмѣсто стиха:

Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива
напечатано:

„Потомковъ позднихъ поэтамъ справедлива дань“.

А на самомъ дѣлѣ, въ „Вѣстникѣ Европы“ стоитъ:

Потомковъ *позднихъ* поэтамъ *справидлива* дань.

Г. Брюсовъ съ легкимъ сердцемъ утверждаетъ, что Майковъ „при чтеніи рукописи проявлялъ „какую-то *ребяческую небрежность*, доводившую его до ошибокъ почти анекдотическихъ“. Такой аттестаціи удостоился почтенный академикъ за то, что вмѣсто: „Въ безмолвной тишинѣ ночной“ прочелъ въ исчерканной рукописи: „Въ безмолвіи тиши ночной“, вмѣсто „послѣ“ — „нынѣ“, вмѣсто „слезами“ — „глазами“, вмѣсто „въ“ — „къ“ и т. п. Не знаю, какъ назвать „небрежность“ г. Брюсова, но примѣровъ невѣрнаго чтенія и въ его книжкѣ найдется немало. Вотъ, что отмѣтилъ я при бѣгломъ только просмотрѣ, справившись съ своей записной книжкой (всѣ цитаты относятся къ рукописи Московскаго музея № 2364,—которую только и разсматриваетъ г. Брюсовъ въ своей работѣ).

На стр. 37 данъ вариантъ стиха 16 въ посланіи „Къ Дельвигу“:

И что же радъ не радъ

въ рукописи читается:

И что *жъ* радъ *я* не радъ.

На стр. 38 замѣчено, что въ этомъ же стихотвореніи есть какія-то „новыя строки“, которыхъ, однако, не приведено, по той простой причинѣ, что ихъ вовсе нѣтъ.

На стр. 43 сказано, что въ посланіи къ Юдину ст. 154 читается:

Но быстро (*старый*) день умчался

причемъ слово „старый“ написано неразборчиво. А на мой взглядъ, оно написано вполне ясно, только не „старый“, а „старой“.

На стр. 45 приводятся стихи изъ посланія къ Галичу:

Лети въ щастливый *уголокъ*,

а въ рукописи читаемъ:

„Лети въ щастливый *городокъ*“.

На стр. 50 г. Брюсовъ не разобралъ поправки Пушкина въ ст. 44 посланія „Моему Аристарху“:

Мнѣ *щастливый* досугъ не бремя.

На стр. 51 читаемъ: „двумя звѣздочками указано, что ст. 59 надо поставить передъ 58-мъ“. Въ рукописи же передъ каждымъ изъ этихъ стиховъ поставленъ только крестикъ, вовсе не означающій перестановки, а, быть можетъ, только намѣчавшій будущую поправку.

Тамъ же, вариантъ стиха 61-го прочитанъ:

Поймавъ прежню мысль мою,

отчего не выходить и стиха; а въ рукописи читается: „*Поймавши*“...

Тамъ же, не разобранъ вариантъ въ ст. 2 второй строфы „Сраженнаго Рыцаря“:

Въ стальной рукавицѣ *истлѣвший* булатъ.

На стр. 54 приведенъ вариантъ стиха 41-го изъ пьесы „Амуръ и Гименей“: „Гимена и *другихъ* дозоры“. Такого варианта въ рукописи *нѣтъ*. Точно такъ же *нѣтъ* въ рукописи (см. л. 8 об.) и приводимаго г. Брюсовымъ варианта къ ст. 27 стихотворенія „Фіаль Анакреона“: „Я плавать не умѣю“. Тутъ же сказано, что ст. 25 вписанъ между строкъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

На стр. 55 приводится вариантъ къ ст. 8 пьесы „Заздравный кубокъ“: „*Крова* бѣжитъ“; слѣдуетъ читать: „*Крови* бѣжитъ“.

На стр. 58—тоже „вариантъ“:

Что ежелибъ ты не была (*бъ*) моею,

между тѣмъ какъ тутъ Пушкинъ просто зачеркнулъ лишнее „бъ“, по ошибкѣ написанное переписчикомъ.

Такого же рода „вариантъ“ отмѣченъ и на стр. 64: „Но мнѣ *въ* унылой жизни нѣтъ“. Здѣсь переписчикъ, а не Пушкинъ, переписывая

стихотвореніе, пропустилъ предлогъ „въ“ и тотчасъ же старательно вписалъ его сверху строки. Представьте себѣ теперь, что на глаза Пушкину попалась бы писарская копія „Слезы“ въ рукописи № 2395, гдѣ послѣдніе стихи читаются:

Увы! луной слезы довольно,
Чтобъ *отправить* бокаль—

и поэтъ поправилъ бы писарское вранье; что же,—это тоже былъ бы „вариантъ“?

Далѣе. На стр. 59 указано, что въ рукописи читается: „Пускай услышу голосъ *милой*“, а въ академическомъ изданіи—„*милый*“. На самомъ же дѣлѣ—именно въ рукописи-то (л. 13) и стоитъ, вполне ясно, „голосъ *милый*“.

На стр. 67 г. Брюсовъ печатаетъ: „Кадиломъ *дерзостныхъ* я щастію кадилъ“, а въ рукописи читаемъ: „Кадиломъ *дерзостнымъ*“...

На стр. 68 указанъ вариантъ ст. 8 „Элегіи“: „Носимыхъ *по волнамъ* грозою“. Я читаю этотъ стихъ: „Носимыхъ *на волнахъ* грозою“.

На стр. 69 приведены варианты ст. 3 въ пьесѣ: „Къ молодой вдовѣ“:

Страстью нѣжной утомленный
Сладострастьемъ утомленный.

Ни того, ни другого въ рукописи *нѣтъ*.

На стр. 70 одинъ изъ вариантовъ ст. 21 въ той же пьесѣ прочитанъ: „Не для нихъ *веселы* розы“, а надо читать: „*веселья* розы“.

Но довольно этого крохоборства. Я занялся имъ только затѣмъ, чтобы показать, на примѣрѣ самого г. Брюсова, что вполне безошибочное чтеніе рукописей далеко не всегда возможно и что, во всякомъ случаѣ, крѣпкія слова въ родѣ „ребяческая небрежность“ и т. п. въ оцѣнкѣ чужого чтенія едва ли умѣстны,—хотя бы уже и потому, что они могутъ съ такимъ же правомъ быть обращены и къ самому критику...

Второе преступленіе Майкова—опечатки. Очень жаль, конечно, что академическое изданіе не обошлось безъ опечатокъ, но, видно, ужъ такова судьба всѣхъ русскихъ книгъ. Нѣмцы, французы, англичане ухитряются печатать томы въ тысячу страницъ безъ единой опечатки, у насъ же безъ этого украшенія не можетъ обойтись даже тощая брошюрка г. Брюсова, не говоря уже о томъ, въ 700 слишкомъ страницъ, академическаго изданія... Напрасно только г. Брюсовъ

считаетъ нѣкоторыя поправки Майкова, вполне основательныя, за опечатки. Такъ, напримѣръ, на стр. 52 Майковъ обвиняется въ томъ, что, перепечатывая изъ изданія Анненкова стихотвореніе „Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ“, допустилъ опечатку: „немного“, вмѣсто „но много“, что, по мнѣнію критика, „совершенно извращаетъ смыслъ“. На самомъ же дѣлѣ, Майковъ исправилъ опечатку Анненкова, которая лишала стихи всякаго смысла. Пушкинъ говоритъ:

Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ
Чудесный, вовсе безъ искусства—
Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства—

т. е., какъ и полагается въ мадригалахъ, „немножко того, немножко сего“. Анненковъ напечаталъ:

Не много истинныхъ похвалъ,
Но много истиннаго чувства.

Какой смыслъ имѣеть здѣсь противоположеніе, выражаемое союзомъ „но“? И почему „мадригалъ въ латинскомъ вкусѣ“ долженъ заключать въ себѣ не много похвалъ, *но* много чувства? Очевидно, „но“ тутъ совсѣмъ не у мѣста, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что оно явилось въ изданіи Анненкова просто по недосмотру корректора (рукописи стихотворенія не сохранилось). Вина Майкова—не въ томъ, что онъ исправилъ эту явную погрѣшность прежняго издателя, а въ томъ, если хотите, что онъ не оговорилъ этого исправленія въ примѣчаніяхъ. Но онъ и вообще, какъ видно, принципиально, не оговариваетъ своихъ конъектуръ, предоставляя внимательному читателю самому въ нихъ разбираться. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи „Городокъ“, напечатанномъ впервые въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 г., одно мѣсто читалось такъ:

Старушка все расскажетъ,
Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое.
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее,
Ни ризмы Удалова...
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.

Такъ это мѣсто и перепечатывалось съ тѣхъ поръ всѣми издателями сочиненій Пушкина,—очевидно, не дававшими себѣ труда подумать: да что же это такой за *Удалова*, и какія-такія его „риемы“ могла читать старушка, рассказывая поэту о томъ, какъ

Антошка балалайку,
Играя, разломалъ,
Θма свою хозяйку
Ни за что наказалъ?

Майковъ, вдумавшись въ приведенные стихи, понялъ, что тутъ что-то неладно (рукописи не сохранилось),—и исправилъ ихъ такъ:

Не слушая ее.
На риемы удалова
Такъ нѣкогда Свистова, и пр.

Стихи получили, такимъ образомъ, смыслъ, котораго раньше въ нихъ совсѣмъ не было.

Иногда, наоборотъ, Майковъ возстанавливалъ по рукописи чтенія, отвергнутыя большинствомъ издателей. Въ подобныхъ случаяхъ, казалось бы, со стороны г. Брюсова онъ долженъ былъ заслужить только похвалу, потому что, вѣдь, г. Брюсовъ дорожитъ всякой даже зачеркнутой буквой Пушкина; между тѣмъ, на стр. 14 мы, къ удивленію, читаемъ: „Въ стихотвореніи *Опытность*, изъ уваженія къ рукописному чтенію, сохранено *безсмысленное* чтеніе стиха 5:

Пусть не смѣйся, не рѣзвись...“.

Если бы строгій критикъ, столь щедрый на рѣзкіе эпитеты, далъ себѣ трудъ немножко „помыслить“ надъ цитируемымъ стихотвореніемъ, то онъ едва ли позволилъ бы себѣ назвать его безсмысленнымъ. Припомнимъ эти стихи, да, кстати, и кое-что изъ русско́й грамматики.

Кто съ мину́ту пере́можетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Время тягостныхъ оковъ
Ей на крыльяхъ не возложитъ.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись,
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь,
Хоть не радъ, но дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Что это значить? Попробуемъ сдѣлать то, что въ приготовительномъ классѣ называется „переложеніемъ въ прозу“:

„Человѣкъ, который, хоть бы на минуту, доводами холоднаго разсудка пересилить чувство любви, этимъ, все-таки, не наложитъ оковъ на ея свободныя крылья. Пусть ты и не смѣешься, и не рѣзвишься, и стараешься поступать по правиламъ строгой мудрости (повелительное наклоненіе вмѣсто изъявительнаго—одна изъ особенностей русскои рѣчи; ср. слова Фамусова: „*Пускай* себѣ разумникомъ *слыши*“), но, все-таки, ты снова заспоришь съ разсудкомъ“, и т. д.

Смысль, кажется, вполне ясенъ даже и для ученика приговорительнаго класса. Гдѣ же тутъ „безсмысленное чтеніе“? Г. Брюсову, какъ поэту, очевидно, больше нравится другой вариантъ,—установленный произвольно нѣкоторыми издателями:

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Время тягостныхъ оковъ .
Ей на крылья не возложить,—
Тотъ не смѣйся...

Но я, прозаикъ, въ этомъ вариантѣ отказываюсь понять, въ чемъ дѣло, и если бы обладалъ развязностью г. Брюсова, то скорѣе могъ бы сказать, что такое чтеніе дѣйствительно „безсмысленно“...

Впрочемъ, о вкусахъ не спорять. А изъ этого слѣдуетъ, что нельзя навязывать свои вкусы другому лицу и дѣлать это лицо отвѣтственнымъ за то, что оно ихъ не раздѣляетъ. А г. Брюсовъ только и дѣлаетъ, что читаетъ нотации Майкову за то, что онъ не сообразовался со вкусами г. Брюсова.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ обвиненій противъ Л. Майкова является утвержденіе критика, будто редакторъ академическаго изданія „утаиваетъ“ многіе имѣющіеся въ рукописяхъ варианты, не указывая ихъ въ примѣчаніяхъ. Посмотримъ, однако, поближе, о какихъ именно вариантахъ идетъ рѣчь.

Внимательное сличеніе „поправокъ“ г. Брюсова съ текстомъ академическаго изданія показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ Майковъ не отмѣчаетъ, какіе именно стихи или отдѣльныя слова въ рукописи *зачеркнуты*, ограничиваясь лишь выраженіемъ: „*первоначальные* варианты“. Но, кажется, уже одного этого выраженія достаточно для того, чтобы читателю стало ясно, что данный вариантъ при окончательномъ исправленіи текста отвергнуть и замѣнить другимъ; а зачеркнуть онъ или нѣтъ, и какъ именно зачеркнуть—въ строку или крестъ-на-крестъ, вдоль или поперекъ, чернилами или карандашомъ,—это не имѣетъ значенія. Подобныя указанія были бы

умѣстны только въ подробномъ *описаніи* рукописей, но вовсе не въ примѣчаніяхъ къ изданію сочиненій писателя. Да и при этомъ еще надо помнить, что никакое описаніе, даже и самое тщательное и подробное, не можетъ дать понятія о внѣшнемъ видѣ рукописи: это достигается только съ помощью снимковъ. Г. Брюсовъ, приводя одинъ и тотъ же стихъ часто въ трехъ, четырехъ редакціяхъ, повторяетъ весь стихъ цѣликомъ три, четыре раза, замѣняя въ немъ только исправленныя слова другими; неопытный читатель можетъ, пожалуй, подумать, что Пушкинъ и въ самомъ дѣлѣ, исправляя одно слово или даже одну букву въ стихѣ, переписывалъ весь стихъ на-ново; между тѣмъ, въ дѣйствительности пушкинскія рукописи вовсе не имѣютъ такого вида, какой онѣ получили въ изображеніи г. Брюсова. Можно было бы, конечно, попытаться напечатать то или другое стихотвореніе въ точной транскрипціи, со всѣми помарками и поправками надъ и подъ строкой и сбоку, въ родѣ того, какъ покойный Я. К. Гротъ напечаталъ „19 октября 1825“; но такому опыту все-таки не мѣсто въ изданіи сочиненій поэта, не говоря уже о томъ, что даже и при такомъ способѣ печатнаго воспроизведенія рукописей, требующемъ огромнаго труда, все-таки, изслѣдователь, изучающій процессъ творчества Пушкина, долженъ будетъ непремѣнно обращаться къ подлиннымъ рукописямъ или, по крайности, къ снимкамъ. В. Е. Явушкинъ, во второмъ томѣ академическаго изданія, попробовалъ дать транскрипцію черновыхъ листовъ „Руслана и Людмилы“— и испестрилъ цѣлыя страницы „стихами“ въ родѣ слѣдующихъ:

Кому (*нрзб.*) (*нрзб.*) (*нрзб.*)

(*нрзб.*) мысли (?) отдавая

К (*такъ и въ рукописи—одна буква*) и пр.

Не знаю, кому нужны такія примѣчанія? Обыкновенный читатель отъ нихъ убѣжится, а специалистъ—только пожалѣетъ о безплодно потраченномъ времени и, все-таки, обратится къ подлиннику, хотя бы для того, чтобы попытаться прочесть загадочныя слова, обозначенныя буквами („*нрзб.*“), которыхъ, можетъ быть, не разобралъ бы и самъ Пушкинъ, если бы ему пришлось перечитывать эти листки. И вотъ, Майковъ обвиняется въ томъ, что подобныхъ-то вариантовъ онъ и не приводитъ,—или, говоря „рѣшительнымъ“ слогомъ г. Брюсова,—что онъ ихъ „утаиваетъ“! Характернымъ примѣромъ этой критики можетъ служить замѣчаніе на стр. 62: „Въ стихотвореніи *Плвецъ* академическое изданіе *не указываетъ*, что въ ст. 3 и 4 строфы II есть нѣсколько *неразборчивыхъ* поправокъ, *дававшихъ* новые варианты этимъ

стихамъ“. Позволительно, однако, спросить: къ чему служить такое указаніе? Вѣдь „поправки“, все-таки, остались неразобранными,—стало быть, нельзя съ увѣренностью говорить о томъ, что онѣ давали новые варианты: а можетъ быть,—вовсе не давали? На стр. 60 читаемъ: Въ стихотвореніи *Къ ней* „пропущенъ вариантъ рукописи въ ст. 3 строфы IV, *впрочемъ, представляющей явную опіску*“. Замѣьте, что дѣло идетъ даже не объ автографѣ Пушкина, а о стихотвореніи, переписанномъ въ его тетрадь посторонней рукой!

Подобныхъ вариантовъ, пропущенныхъ Майковымъ, въ книжкѣ г. Брюсова приведено очень много. Можетъ быть, при строгомъ разсмотрѣніи, между ними найдется десятокъ-другой такихъ, которые слѣдовало бы помѣстить въ примѣчанія академическаго изданія (но отнюдь, конечно, не всѣ!). О невѣрныхъ чтеніяхъ уже сказано выше: ихъ и у самого г. Брюсова найдется немало; но что же изъ этого слѣдуетъ?—Только то, что рукописи Пушкина читаются не такъ легко, какъ печатная книга, и что такія ошибки всегда были, есть и будутъ, несмотря на все желаніе ихъ избѣжать,—какъ были, есть и, къ сожалѣнію, вѣроятно, долго еще не выведутся изъ русскихъ книгъ опечатки.

И вотъ, подметая этотъ соръ, оставшійся послѣ работы Майкова, г. Брюсовъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для того, чтобы опорочить академическое изданіе,—результатъ огромнаго 12-лѣтняго труда, и съ радостью только что оперившагося птенца „трубитъ побѣду по лѣсамъ“! Усердіе, достойное лучшаго дѣла...

И. Морозовъ.
